

Евгений Сухов

**АГЕНТ
НЕМЕЦКОЙ
РАЗВЕДКИ**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Волкова*

Сухов, Евгений.
С91   Агент немецкой разведки / Евгений Су-
хов. — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. —
(СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-088893-1

1943 год. Младший лейтенант Егор Ивашов назна-
чен оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ в
одну из частей Воронежского фронта. Накануне мас-
штабного наступления советских войск необходимо
выявить и обезвредить действующую в нашем тылу
немецкую шпионскую сеть. Но для начала Ивашов бе-
рется выяснить обстоятельства странной гибели своего
предшественника. Считается, что тот погиб по неосто-
рожности, но Егор уверен: это дело рук агентов Абвера.
Только вот кто они?.. Молодой оперативник начинает
поиск врага, не замечая, как с каждым шагом рассле-
дование приближается к неожиданной и страшной
развязке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-088893-1

Глава 1

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

— Сержант, до поселка Кияница не едешь, случаем?

Усатый водитель полуторки с затертыми сержантскими погонами и в выцветшей едва не до белизны гимнастерке глянул на спросившего. Простоватого вида парень лет двадцати одного — двадцати двух, крепенький, голубоглазый и задиристо-курносый, вопросительно смотрел прямо в глаза сержанту. Новенькие погоны младшего лейтенанта, отглаженная чистенькая форма и тощий вещмешок, болтавшийся за плечами, выдавали в нем недавнего курсанта. И если бы не медаль «За отвагу» с полуистертой муаровой лентой, младшего лейтенанта вполне можно было бы принять за простоватого, не нюхавшего пороха новобранца, впервые попавшего в прифронтовую полосу.

— Ну, еду, — ответил сержант.

— Меня прихватишь?

— Это как майор скажет...

— А где он?

— Да вон идет, — повел сержант подбородком в сторону двухэтажного здания без крыши, на первом этаже которого расположился эвакуационный госпиталь.

Младший лейтенант повернул голову и увидел подходящего к полуприцепу коренастого крепкого майора.

— Младший лейтенант Ивашов! — как и положено, начал по форме курносый. — Разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — разрешил майор, с интересом глянув на подошедшего.

— Вы ведь до Кияницы едете... Не возьмете меня?

— Садись! — кивнул майор. — Только дороженька туда — аховая, танками вся разворочена. Так что держись крепко!

— Спасибо, — улыбнулся младший лейтенант и одним рывком закинул натренированное легкое тело через неоткидные борта полуприцепки.

Зарывав, машина тронулась. Устроившись на дощатый пол кузова, поближе к кабине, и все равно подсакивая на кочках и выбоинах некогда асфальтовой дороги, младший лейтенант стал смотреть по сторонам...

Город Суджа понемногу остывал от боев (прошло уже четыре месяца, как его отбили в ходе харьковской наступательной операции силами Воронежского фронта), постепенно налаживалась гражданская жизнь. Проехали мимо восстанов-

ленной водокачки, немного в стороне от которой работал кирпичный завод, а из-за развалин проглядывал пивной ларек. Далее дорога лежала через центр, основательно разрушенный. Отступая, не иначе как в бессильной ярости, в начале марта сорок третьего года, то есть почти четыре месяца назад, фрицы взорвали здания средней школы, райисполкома, Троицкий храм, маслозавод и несколько каменных жилых домов. Многие дома попросту сгорели, подоженные отступающими вместе с немцами полицией. Педучилище, больница с пастеровской станцией и санбаклабораторией, большая библиотека, где ранее размещался дом призрения, две аптеки, почтовое отделение, мельница, построенная еще лет двести назад, и несколько десятков жилых домов превратились в головешки и обугленные остовы, мало похожие на бывшие строения.

Проехали мимо сгоревшего склада-зернохранилища. Возле него сосредоточенно копошились люди с котелками и мятыми кастрюлями, разгребая головешки и пепел в надежде найти под обуглившимся верхним слоем горсть-другую уцелевшего зерна. На куске спасшейся стены, торчащей как клык в беззубом старческом рту, висела покосившаяся и почерневшая табличка: «ул. *К. Либкнехта*».

А вот потянулся городской парк. Он скорее был похож на запущенную подоженную свалку с выросшими среди груд мусора деревьями. В нем,

по всей видимости, еще долго не будет танцев под духовой оркестр, а в летнем кинотеатре, превратившемся в груду головешек, еще не скоро начнут вновь крутить любимую публикой картину «Волга-Волга».

Зрелище, представшее взору младшего лейтенанта Ивашова, было весьма неприглядным и удручающим.

Наконец выехали из города. Проехали примыкающую к нему слободу, тоже изрядно разоренную, с несколькими уцелевшими среди пепелища зданиями. Дорога стала петлять, дважды пришлось объезжать по полю большие воронки от гаубичных снарядов, где полуторка часто буксовала, а пару раз вообще едва не застряла. И только километров через десять дорога выровнялась и убежала по прямой до самой Юнаковки. Транспорта навстречу попадалось мало: за всю дорогу проехал один «Виллис» да несколько полуторок и «трехтонок». Зато в направлении Кияницы одна за другой следовали крытые грузовики. Были среди них и наши «трехтонки», и мощные американские трехосные «Студебеккеры», на которые вместо положенных двух с половиной тонн грузили все три, а то и более, и «Доджи», на которые вместо трех четвертей тонны грузили полную тонну плюс цепляли пушку или прицеп с боеприпасами весом тонны в полторы-две.

После Юнаковки дорога снова начала петлять, будто бы спьяну, до самого поселка Марьино.

А потом пару километров — и Кияница. Село, которое больше походило на солдатский бивуак, нежели на бывшее волостное поселение.

На въезде в село стоял контрольно-пропускной пункт, запирающий дорогу полосатым столбом. К нему выстроилась очередь из нескольких десятков машин. Младший лейтенант Ивашов не стал дожидаться, когда их полуторка займет место у пропускного шлагбаума. Он спрыгнул на землю, размял ноги и спину после почти полтора часового подскакивания на заднице с маятниковым качанием из стороны в сторону, поблагодарил майора и сержанта, что подбросили до места, и потопал пешочком, обходя крытые брезентом грузовики.

На КПП у него потребовали предъявить документы. Какой-то долговязый старший лейтенант из комендантской роты долго читал воинское предписание, и еще дольше — военный билет, шупая его пальцем, поглаживая и что-то высматривая. Верно, наличие тайных знаков, которые у документа, несомненно, имелись.

Наконец старлей с явным сожалением вернул документы младшему лейтенанту Ивашову:

— Проходите...

— А как пройти в штаб дивизии, не подскажете? — нахально спросил Егор Ивашов, вместо того чтобы поскорее распрощаться со старшим лейтенантом, пока он не привязался еще к чему-либо, например, к тому, чтобы предложить

показать содержимое вещевого мешка. Обыскивать офицеров без достаточных на то оснований военная комендатура не имела права, а вот попросить добровольно развязать вещмешок — почему нет? Кто же посмеет отказать?

— Ступайте прямо, увидите двухэтажное здание с башенкой, это и будет бывший дворец Лещинских, а сейчас штаб дивизии, — с неохотой ответил старший лейтенант и отвернулся, показывая, что разговор закончен.

Башня дворца была видна, наверное, с любой точки села и служила хорошим ориентиром. Возможно, именно по этой причине и уцелела.

Ивашов, уступая дорогу «Студебеккерам» и трехтонным «ЗИСам» с фанерной кабиной, пошел дальше, держа направление на башенку. Скоро показался весь дворец, с большой натяжкой отвечающий этому слову. Вот в Москве дворцы, это да! Дворец князя Гагарина, например, или Слободской дворец, не говоря уж о Петровском путевом дворце. Впрочем, для села двухэтажное каменное здание с семью окнами по фасаду иначе чем дворцом и назвать-то было нельзя...

Младший лейтенант Ивашов прошел к зданию по запущенной парковой аллее, уважительно обошел несколько «Виллисов» и черную «Эмку», поднялся по ступеням на центральное крыльцо с облупившимися колоннами и, козырнув неподвижно стоявшему часовому, вошел внутрь. Спро-

сил дежурного офицера, как найти дивизионный отдел контрразведки.

— Второй этаж, вторая и третья двери направо. Да там написано...

Егор поблагодарил и стал подниматься на второй этаж по парадной лестнице, очень внушительной, с изысканно-изящными перилами из розового мрамора, чего спускающиеся и поднимающиеся по ней офицеры уже давно не замечали.

В отличие от первого этажа, где сохранились огромные залы, помещения на втором этаже были переоборудованы в небольшие комнатки. Верно, после того, как дворец отобрали у хозяев, здесь устроили школу, а теперь в бывших классных комнатах размещались различные службы 167-й стрелковой дивизии.

На юго-западной части Курской дуги, в частности на Сумском направлении участка Воронежского фронта, где стояла 167-я стрелковая дивизия, с марта месяца образовалась затянувшаяся оперативная пауза. Обе стороны сосредоточенно набирали силы: немцы со своими союзниками доукомплектовывали полки, принимая пополнение, скрытно перегруппировывались, укрепляли линию обороны, советская сторона принимала полки, прибывшие с Урала и Сибири, инженерные подразделения в спешном порядке строили и тянули коммуникации, подтягивали тылы. По активности на линии разграничения было

видно, что наступившим летом начнется сражение, которое может коренным образом повлиять на весь дальнейший ход войны. И Егор Ивашов был очень доволен назначением в эту дивизию именно сейчас, когда на фронте стояло затишье: будет время разобраться, что к чему, и войти в колею...

*«Начальник ОКР СМЕРШ
майор Стрельцов Г.Ф.»*

Эта табличка висела на третьей двери справа. Ивашов постучал и, дождавшись разрешения, открыл дверь:

— Разрешите войти?

— Входите, — последовало разрешение.

— Товарищ майор, младший лейтенант Ивашов прибыл для дальнейшего прохождения службы.

— Садитесь, товарищ младший лейтенант. Как ваше имя-отчество?

— Егор Фомич. Вот мои документы.

Начальник дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ майор Стрельцов принял из рук младшего лейтенанта удостоверение личности, военный билет, временное удостоверение о награждении медалью «За отвагу» (не в Кремле вручали, а на передовой) и несколько сложенных вчетверо листочков с просвечивающимися печатями. Он внимательно осмотрел все документы, выбрал из небольшой стопки папок на столе темно-зеленую с наклеенной на ней осьмушкой

бумаги с именем и фамилией Ивашова, развязал тесемки и раскрыл. Егору, механически следившему за действиями майора, бросилась в глаза его собственная фотография, сделанная еще в бытность его рядовым погранзаставы под Перемышлем, где он в хлопчатобумажной гимнастерке с полевыми петлицами и едва отросшими после стрижки под машинку волосами.

— Я тоже Фомич, — медленно произнес майор Стрельцов, слегка улыбнувшись и один за другим перекладывая листочки в папке. — Только зовут Георгием, — добавил он. — Значит, вы окончили курсы подготовки оперативного состава?

— Так точно, — сделал попытку приподняться со стула Ивашов, но был остановлен жестом начальника контрразведки дивизии. — Только они лишь вначале назывались курсами, а потом стали называться школой ГУКР НКО СМЕРШ.

— И сколько вы там обучались?

— Три месяца.

— А потом сразу были направлены в действующую армию?

— Так точно!

— Ваша школа была под Жуковском?

— Именно так, товарищ майор.

— Кажется, начальником школы в ней был генерал Голицын?

— Он самый.

— Что вы о нем слышали?

— Рассказывали, что он будто служил в контрразведке царской армии. Во всяком случае, всегда ходил при царских орденах.

— Все так... Я тоже имел честь быть с ним знакомым. И генерал Голицын не просто служил в царской армии, а был одним из руководителей контрразведки. Товарищ Сталин лично пригласил его, чтобы он организовал и наладил у нас военную контрразведку по принципу царской армии. Он из князей, из тех самых, но это неважно... Потому что родина у нас одна, и совершенно не имеет значения, у кого какие погоны: царские или советские.

Георгий Фомич вновь углубился в содержимое папки. Было ему лет под сорок, сразу видно, дядька серьезный: во вдумчивом взгляде, в четко произносимых словах и неторопливых движениях чувствовались некая основательность и большой профессиональный опыт. «Похоже, повезло мне с начальником», — подумалось вдруг Ивашову.

— Вы пока ехали, осмотрелись?

— Все разбито, товарищ майор.

— Да, это так, — невесело согласился Стрельцов. — А еще немцы оставили у нас в тылу свою агентуру, и нам предстоит ее выявить. Уверяю вас, работы будет много, а штата, как всегда, не хватает. Вот буквально три дня назад выявили абверовского радиста. Регулярно передавал в центр метеосводки... Вот что, товарищ младший лейтенант Ивашов, — возвращая Егору документы и

закрывая папку, продолжил официальным тоном майор, — вы командуетесь оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ Государственного комитета обороны в 520-й стрелковый полк, расквартированный в деревне Пушкаревка. Это в семи километрах от нас... В вашем распоряжении сержант Масленников Федор Денисович из взвода управления первого батальона и бывший ординарец вашего предшественника рядовой Андрей Зозуля. Это, так сказать, ваш отдел контрразведки полка. Юридически вы на службе в отделе контрразведки дивизии и подчиняетесь непосредственно мне, но это не значит, что вы в полку абсолютно независимая единица. — Он очень серьезно посмотрел на младшего лейтенанта. — Вы ни в малейшей степени не должны противопоставлять себя другим офицерам полка, как это не столь уж и редко делал ваш предшественник. Внутренний распорядок полка в должной мере касается и вас. Находясь в полку, вы живете его жизнью. В противном случае вам очень трудно будет исполнять свои обязанности. Вы ведь знаете, что поимка диверсантов и изобличение вражеских разведчиков — работа эпизодическая, она может случиться, а может и нет, поэтому на девяносто процентов служебного времени ваши обязанности будут заключаться — и должны заключаться — в агентурно-оперативном обслуживании полка, к которому вы прикомандированы. А иначе как вы без агентурного аппарата будете